

О ВЕЛИКОМ МАСТЕРЕ

С каким нетерпением мы ожидали появления фильма о великом советском музыканте Араме Ильиче Хачатуряне! Нетерпение это вполне понятно и закономерно. Каждая встреча с выдающейся личностью, в каких бы условиях или формах она ни происходила, — всегда событие, праздник души. Тем более что еще совсем недавно многие миллионы любителей музыки Хачатуряна имели счастливую, я бы сказал, уникальную возможность видеть композитора за дирижерским пультом в качестве непревзойденного истолкователя своих сочинений. Многие из нас общались с ним и неустанно следили за его творческой жизнью, жизнью чрезвычайно интересной, богатой и предельно насыщенной... Этим и многим другим объясняется то волнение, с которым обращали свой взор к телеэкранам люди, знавшие лично этого великого музыканта и неповторимого человека. Случилось так, что в день премьеры фильма, показанного по Центральному телевидению 14 сентября 1985 года, я находился в столице Узбекистана, славном Ташкенте. И утром, просмотрев первую серию, вечером того же дня дирижировал бессмертной музыкой Арама Хачатуряна в концерте Государственного симфонического оркестра Союза ССР, находившегося на гастролях и принимавшего активное участие в музыкальном фестивале «Ташкентская золотая осень». (Замечу, что это было первое появление оркестра в Узбекистане, в преддверии 50-летия коллектива). Итак, первые кадры, первые титры, первые звуки музыки, первые слова дикторского текста. Знакомый и безошибочно узнаваемый, негромкий, неторопливый, несущий мысль авторов фильма как свою собственную — голос прекрасного мастера Армена Джигарханяна. В любом деле всегда очень трудны и ответственны начало и конец. По этому поводу существуют великолепные русские поговорки: «Лиха беда — начало» и «Конец — делу венец». В данном случае я с радостью констатировал, что начало фильма было удачным и многообещающим. Оно очень просто и естественно ввело зрителя в ход дальнейшего повествования.

Здесь необходимо сказать о том, что создатели фильма располагали огромным и бесценным документально-архивным материалом, связанным с жизнью и творчеством Хачатуряна. То же самое можно сказать и о музыкальных

записях, сделанных при жизни композитора, дирижировавшего лучшими советскими и зарубежными симфоническими оркестрами. Поэтому очень важно было правильно сориентироваться в этом сверхобильном материале, точнее говоря, в его отборе и построении. А это, по существу говоря, и есть основа сценария фильма, его «каркас», его архитектура, его та или иная выстроенность. Да простят мне авторы фильма мою откровенность, но мне кажется, что выбрали они далеко не лучший вариант. Ведь объем ленты (четыре часовых серии!) давал огромные возможности для того, чтобы показать и раскрыть во всей полноте и глубине облик Арама Хачатуряна — художника и гражданина. Для этого необходима была какая-то иная форма, чем та, которую предложили авторы фильма.

Налицо определенный сценарный замысел, сводящийся в основном к тому, что жизненный путь композитора, прослеженный от начала и до конца, постоянно и настойчиво «перебивается» в фильме демонстрацией фрагментов из балетов «Гаянэ» и «Спартак». Конечно, это сделано вполне сознательно. Авторы как бы подчеркивают свой принцип этих «перебивок», эту репризность (повторность), проходящую красной нитью через фильм как наиболее важный момент, призванный соединить и объединить все и вся. Это понятно, но, с моей точки зрения, неубедительно. Мне даже показалось, что была определенная попытка связать по ассоциативной линии эпизоды жизни Хачатуряна с эпизодами из жизни его героя — Спартака. Я имею в виду финал фильма, где это проявилось наиболее отчетливо. Но нужно ли было это делать? Думаю, что нет. Ибо жизнь и творчество замечательного музыканта и человека, каким мы знали Арама Ильича, как говорится, сами за себя говорят и не нуждаются ни в каких посторонних «подпорках», подкреплениях и притянутых ассоциациях. Мы, музыканты, знаем, как сочинял композитор. Он писал увлеченно, на одном дыхании, выплескивая на нотную бумагу (которая далеко не совершенна была для фиксации фантазии, порожденной вулканическим темпераментом) музыкальные тайфуны и цунами, невероятной силы и красочности звуковые потоки и пласты. Это вовсе не означает того, что все давалось ему легко и быстро.

На то и резец Мастера, который превращает глыбу в шедевр. А Хачатурян был великим Мастером, оставившим потомкам оригинальнейшие и единорожденные произведения. В связи со сказанным эта подчеркнутая разорванность балетных эпизодов, положенная в основу сценария фильма, огорчает, а порой и раздражает... Тем более по телевидению довольно часто зрители имеют прекрасную возможность посмотреть балеты Хачатуряна в их всеобъемности и полноте. Отсюда и повышенная калейдоскопичность построения фильма. Я прекрасно сознаю, что «калейдоскоп» почти неизбежен, когда речь идет о таком явлении, как Арам Хачатурян. Но все дело в чувстве меры, вкусе, такте. А без них невозможно на должном уровне показать и рассказать о Хачатуряне.

Как же можно говорить о поставленном Ю. Григоровичем прославленном спектакле Большого театра СССР «Спартак», удостоенном Ленинской премии, и ни словом не обмолвиться о его создателях, которые определили прочный, стабильный и всемирный успех хачатуряновского шедевра! Я имею в виду выдающихся мастеров нашего балета Владимира Васильева, Екатерину Максимову, Марису Лиену, Нину Тимофееву. Нигде не упомянуто имя дирижера Альгиса Жюрайтиса, в руках которого вот уже много лет находятся музыкальные бразды правления «Спартака». Именно Жюрайтис бесценно стоит за пультом этого балета ГАБТа по сей день, где бы ни шел знаменитый спектакль. И ведет он его превосходно. В фильме фрагменты из «Спартака» показаны в исполнении других артистов. Я нисколько не хочу умалять их достоинств. Наоборот. Надо приветствовать мастерство, во всеоружии которого выступают Ирек Мухамедов, Наталия Бессмертнова, Борис Акимов, Татьяна Голикова, а также и все остальные артисты. Но, как говорится, одно другому не мешает. Мы должны всегда помнить тех, кто дал путевку в жизнь, а я бы добавил — путевку в свет «Спартаку». В этой связи я не могу не вспомнить замечательные кадры, запечатлевшие Майю Плисецкую и Владимира Преображенского в фрагментах из «Спартака». Могло бы и им найтись местечко в фильме, но, увы...

Вызывает недоумение, почему в ряду дири-

жеров, исполнивших музыку Хачатуряна, авторы фильма не нашли нужным показать и назвать такие славные имена, как Николай Голованов, Александр Гаук, Юрий Файер, Александр Мелик-Пашаев, Натан Рахлин, Евгений Мравинский? Ведь именно этой блестящей плеяде корифеев советской дирижерской школы принадлежит честь первооткрытий хачатуряновской музыки. В то же время, увлекшись объемом панорамы исполнителей музыки Хачатуряна в мировом масштабе, создатели ленты привлекли всех — кого надо и кого не надо. Но для телезрителей (в том числе и для музыкантов-профессионалов) так и остаются неизвестными их имена. Ибо фотографии, мелькающие на экране, к сожалению, не сопровождаются указанием, кто есть кто, и т. д.

В фильме использованы уникальные кадры, запечатлевшие Арама Ильича, дирижирующего своими произведениями. Эти эпизоды настолько волнительны, особенно для тех, кто недавно еще имел счастье играть под управлением композитора, что невольно комок подступает к горлу... Звучит гениальная музыка в первозданном, авторском исполнении. Но, увы, авторы фильма, видимо, не доверяя силе воздействия этих кадров, спешат «подкрепить» музыку Хачатуряна так называемым «зрительным рядом». И вот на экране возникают бесконечные цветные картинки. Среди них, правда, есть и отличные пейзажи Армении, ее достопримечательности и даже, кажется, «проскальзывают» полотна самого Сарьяна. Но я не случайно сказал «кажется», потому что далеко не убежден в том, Сарьян ли это. А если даже и Сарьян, то до обидного мало его! Уж если непременно надо иллюстрировать музыку картинками, то лучше пусть будет побольше Сарьяна, чем того, что мы видим на экране. А на экране мы видим какие-то красивые цветы либо свежую, молодую зелень трав, загадочные блики блуждающих огней и т. д., и т. п. Все это заснято «с натуры» и совершенно идет вразрез с музыкой, звучащей за кадром. Это, к сожалению, общий недостаток, свойственный почти всем нашим режиссерам, обращающимся к музыкальным темам на телевидении. Это полное недоверие к музыке, ее непосредственному воздействию на зрителя-слушателя. Заранее слышу голоса возражения. Дескать, на то мы и телевидение, чтобы «подавать» музыку

в специфическом ключе, свойственном законам жанра, и прочие теоретические подоплеку.

Позвольте все же не согласиться с вами, уважаемые товарищи! Когда в ваших руках драгоценнейший материал, то ничем нельзя оправдать такое странное, непонятное игнорирование самого ценного, что может быть вообще в фильме, — живого художника в действии. Вот это и есть, по-моему, подлинная «динамика кадра», о которой так много толкуют режиссеры вообще и режиссеры кинематографа в частности. Кстати сказать, очень бросается в глаза частое несовпадение жеста дирижирующего Арама Ильича и звучащей музыки. Это уже дело совершенно недопустимое.

Фрагменты из «Гаянэ» даны в фильме в исполнении артистов Ереванского театра оперы и балета имени А. Спендиарова. Мне не удалось, к сожалению, видеть этот спектакль в полном виде и поэтому судить о нем не берусь. Могу только сказать одно. Прав был Арам Ильич, слова которого приводятся в фильме. Суть их сводится к тому, что до сих пор еще не найдено конгениальное воплощение музыки этого балета на сцене. В подтверждение сказанного достаточно вспомнить знаменитый «Танец с саблями». Разве хореография на уровне звучащей музыки? Конечно же, нет. Она, как говорится, «недоотягивает»...

В тексте сценария, так же, как и во всем фильме, весьма много довольно поверхностного, «бьющего» на эффект. Без всего этого можно было бы обойтись. Ведь речь идет о гениальном художнике. А гений сам за себя говорит! Не надо было «ломиться в открытую дверь» и упорно доказывать, что Арам Хачатурян получил признание на Западе еще при жизни. Мы это давно знаем и справедливо гордимся этим. Гораздо более важным было, как можно шире показать подлинно всенародное признание, которое получил композитор в нашей стране, в самых отдаленных ее уголках.

У читателя может создаться впечатление, что в фильме лишь сплошные недостатки. Это было бы неверно. И если я увлекся критикой, то только потому, что отмеченные недочеты, к сожалению, снижают общее впечатление от большой и плодотворной работы, представленной на суд зрителя. В фильме много хорошего. И самое ценное в нем то, что сделан он с большой любовью к творчеству композитора, с трепетным отношением к его светлой памяти, с истинным пониманием его бессмертия, которое наступило в тот момент, когда перестало биться его сердце, сердце художника и гражданина.